СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ
И ЯЗЫКА
ТОМ 52 · № 2 ·1993

© — 1993 И. Ю. ВИНИЦКИЙ

«СВОЕ» И «ЧУЖОЕ» В «ДНЕВНИКЕ» АНДРЕЯ ТУРГЕНЕВА

Настоящая заметка представляет полемический отклик на суждения В. Н. Топорова о принадлежности одного из фрагментов в «Дневнике» Андрея Тургенева к ряду заготовок к психологической прозе самого Тургенева. Устанавливается, что этот фрагмент — перевод начала известного поэтического манифеста Гёте «Zueignung» (1784). Данный факт дает материал не только к теме восприятия Гёте в России на рубеже XVIII—XIX вв., но и для анализа художественной природы самого «Дневника», в котором «чужое» является одним из средств выявления «своего», глубоко личного содержания.

The present note is a polemic reply to V. N. Toporov's opinion on the belonging of one of the fragments in the «Journal» by Andrei Turgenev to some sketches of the psychological prose of Turgenev himself. It is established that this fragment is the translation of the beginning of the poetical manifest by Goethe «Zueignung» (1784). This fact gives the material not only to the theme of perception of Goethe in Russia on the verge of the XVIII—XIX-th centuries, but also for the analysis of the artistic nature of «The Journal» itself, where strange is a means of revealing «one's own», deeply personal contents.

В небольшой статье 1985 г., посвященной «Дневнику» Андрея Тургенева, В. Н. Топоров говорит: «Особенность отношения Тургенева к жизни — в постоянном прислушивании к жизни духа как к главному, в фиксации в настоящем этих прорывов к нему, в освящении всего, что было в прошлом, через *воспоминание*, в предвосхищении будущего через лихорадочную работу воображения... Многие из соответствующих мест выглядят как заготовки к психологической прозе или пейзажным описаниям, всегда связанным с душевными движениями» [1, с. 89].

В числе приводимых исследователем примеров встречаем и следующий: «Утро... Я проснулся, и с свежею душою пошел из смиренной моей хижины; при всяком шаге радовал меня новый цветок, который, отягченный каплями, к земле наклоняется... По мере как выходил я, медленно простирался туман, поднимаясь с рек и лугов..., он уступал и переменялся, хотел объять меня и возрастал над моею головою; ... все облеклось туманным покровом... и я стоял в сумраке...» Этот же пассаж цитируется В. Н. Топоровым и в более поздней статье «Два дневника» (1989). «Многие из таких пейзажных описаний,— повторяет исследователь,— выглядят как заготовки к психологической прозе более позднего периода; в них то же вслушивание в природу, примыкание к ее духу, что и в отрывках „самоаналитического" характера. И в том и в другом случае воспоминание и воображение образуют как бы естественные рамки таких описаний, неизбежный вывод из них» [2, с. 93].

То, что настоящий фрагмент тесно связан с «душевными движениями» автора, не вызывает никаких сомнений. Однако в отличие от других цитируемых Топоровым мест (воспоминание о родных пенатах, о доме и саде Воейкова, о Москве) его «происхождение» менее всего связано с *творческим воображением* Тургенева.